

I. Святая минуты жизни.

(Речь послѣ причастія).

Привѣтствую васъ, возлюбленные, съ принятиемъ Св. Таинъ.

Нынѣ исполнились ваши самыя лучшія желанія! Нынѣ, въ таинствѣ Св. Причащенія вы таинственно соединились съ Самимъ Господомъ Спасителемъ нашимъ. Онъ таинственно проникъ во все существо ваше: въ сердце, во всѣ члены и составы тѣла, въ душу вашу; чрезъ это вы очистились отъ грѣховъ, стали чистыми, невинными, святыми... О, если бы эти святая минуты вашей жизни продолжались какъ можно, дольше, во всѣ дни жизни вашей, всегда и выражались въ горячей любви къ своему Спасителю, въ теплыхъ слезахъ радости, благодарности и покаянія. Вѣдь Онъ, Спаситель нашъ, пролилъ за насъ Святую Кровь Свою и отдалъ Тѣло Свое на распятіе, страданія и смерть для спасенія нашего. Нынѣ исполнились самыя чистыя, святая ваши желанія! Въ таинствѣ Св. евхаристіи вы причастились истиннаго Тѣла и Крови Спасителя вашего и тѣснѣйшимъ образомъ соединились съ Нимъ для вѣчной жизни; вамъ прощены всѣ ваши согрѣшенія вольныя и невольныя, содѣянныя вами до сего дня и часа. Ибо, какъ сказано въ святомъ Писаніи, Кровь Господа нашего Иисуса Христа очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха (1 Иоан. 1, 7). И Самъ Онъ говоритъ:

— Ядущій Мою Плоть и пьющій Мою Кровь имѣетъ жизнь вѣчную, и Я воскрешу его въ послѣдній день. Ядущій Мою Плоть и пьющій Мою Кровь пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ (Иоан. VI, 54, 56).

Да возрадуется сердце и да веселится душа ваша! И я, духовный пастырь вашъ, сердечно радуюсь вмѣстѣ съ вами. Нынѣ забыты мною всѣ огорченія и труды мои, душа моя преисполнена самой искренней радости!... Ибо что можетъ быть пріятнѣе для отца духовнаго, какъ на преподаваніе вамъ, своимъ духовнымъ чадамъ, Тѣла и Крови Господа? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, мы нынѣ исполнили святой завѣтъ Христовъ, завѣтъ вѣчный, непреложный, который долженъ исполняться до второго пришествія и страшнаго суда Его. Причавъ апостоловъ, Иисусъ Христосъ сказалъ имъ, а чрезъ нихъ и всѣмъ христіанамъ:

— Сіе творите въ память о Мнѣ. А св. апостолъ Павелъ, разъясняя слова Господа, говоритъ, что всякій разъ, когда вы ѣдите Тѣло Христово и пьете Кровь Его, смерть Его возвѣщаете, воспоминаете Его страданія за ваши грѣхи, за ваше спасеніе отъ вѣчныхъ мученій, и что причащеніе Тѣла и Крови Спасителя должно поэтому совершаться во всѣ времена, даже до второго Его пришествія. *Дондеже придетъ* (Лук. XXII, 19; 1 Кор. XI, 26).

Итакъ, возблагодаримъ Господа за его благодѣніе къ намъ грѣшнымъ, за дарованіе намъ Св. Тѣла и Крови Своей, за дарованіе столь великой радости спасенія! Слава Тебѣ, Боже, слава Тебѣ, Боже, слава Тебѣ, Боже!!!

С.—

БЛИЖНИЙ ВОСТОКЪ. *)

(Изъ поѣздки въ Святую Землю, Египеть и Грецію учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній гор. Саратова).

Въ 1 ч. 45 м. дня нашъ поѣздъ тронулся изъ Яффы. Сначала мы ѣдемъ среди безчисленныхъ виноградниковъ, лимонныхъ, апельсиновыхъ, гранатовыхъ и пальмовыхъ рощъ. Далѣе картина постепенно мѣняется: встрѣчаются ряды какихъ то очень высокихъ деревьевъ, всюду видно безчисленное множество бѣловатыхъ маслинъ въ видѣ отдѣльныхъ деревьевъ и въ видѣ цѣлыхъ группъ ихъ; тянутся въ безконечное пространство громаднѣйшіе, разнообразной формы, кактусы. Вотъ что-то вродѣ нашихъ, убранныхъ послѣ жатвы, полей; тамъ и сямъ по ровному полю медленно и важно расхаживаютъ аисты, пасутся стада черныхъ овецъ. Временами передъ глазами проходятъ бахчи, усыпанныя арбузами, иногда очень крупными; около нихъ цѣлыя плантаціи „сучи“,—растенія, изъ котораго готовится мѣстное постное масло, и кукурузы; нерѣдко мелькаютъ розовыя цвѣты малинника. Не мало встрѣчается довольно красивыхъ садовъ; среди нихъ разбросаны отдѣльные дома и что-то напоминающее наши палатки, а иногда въ садахъ утопаютъ маленькія деревенки, видны земляныя крыши деревенскихъ домовъ; на всемъ лежитъ отпечатокъ крайней бѣдности. Убогіе жители деревни на ослахъ и волахъ молотятъ хлѣбъ.

Въ 2 ч. 25 м. станція Лидда. Это та Лидда, о которой въ книгѣ Дѣяній Святыхъ Апостоловъ сказано: *Лидда была близъ Иоптіи (Яффа); случилось, что Петръ обходя всѣхъ, пришелъ къ святымъ, живущимъ въ Лиддѣ. Тамъ нашелъ онъ одного человѣка, по имени Енея, который восемь уже лѣтъ лежалъ въ постели въ разслабленіи. Петръ сказалъ ему: Еней! Исцѣляетъ тебя Иисусъ Христосъ, встань съ постели твоей. И онъ тотчасъ всталъ; и видѣли его все, живущіе въ Лиддѣ и въ Саронѣ, которые и обратились къ Господу.* (9 гл. 38, 32—35) Въ Лиддѣ нашъ поѣздъ стоялъ 6 минутъ. Тихо, безъ звонокъ, отошли мы отъ станціи.

Движемся довольно медленно. Болѣе, чѣмъ на версту, тянутся двойные и тройные ряды кактусовъ, идутъ маслины въ перемежку съ персиками и лимонными деревьями.

Въ 2 ч. 40 м. нашъ поѣздъ остановился недалеко отъ кладбища; это станція Рамле. На этой станціи видно довольно много коповъ въ ихъ особыхъ одеждахъ; тутъ-же съ ружьями за плечами и ягдашами люди въ очень красивой разноцвѣтной короткой одеждѣ, это—вѣроятно, охотники, а можетъ быть и мѣстная полиція. Чрезъ нѣсколько минутъ покидаемъ Рамле.

Предъ нами цѣлыя плантаціи дурры (мѣстнаго проса). Вотъ пастухъ идетъ впереди стада овецъ, которыя, очевидно, знаютъ его

*) Продолженіе, см. № 11 „Сар. Дух. Вѣст.“

голосъ и вполнѣ послушны ему, идутъ за нимъ. Невольно вспоминается притча о добромъ пастырѣ, который „своя овцы глашаетъ по имени и изгонитъ ихъ и егда изженетъ, предъ ними ходитъ.“

Въ 3 ч. 20 м. станція Сейетъ. Черезъ 5 м. отходимъ. Вотъ на полугорѣ какой-то маленькій городокъ, утопающій въ зелени.

3 ч. 45 м. снова станція Даирь-Аванъ. Черезъ 2 минуты на платформу вышелъ желѣзнодорожный сторожъ, прозвонилъ въ маленький колокольчикъ, который держалъ въ рукахъ, и мы покинули станцію. Вотъ намъ на встрѣчу медленно движутся два, чѣмъ-то нагруженныхъ, верблюда. На одномъ сидитъ мусульманинъ въ чалмѣ и своемъ костюмѣ бѣлаго цвѣта, съ длинной палкой для подгонянія верблюда; на другомъ верблюдѣ сидитъ такой-же всадникъ только въ желтоватой одеждѣ. Вотъ сейчасъ ѣдемъ мимо жилища, вытесаннаго въ скалѣ изъ камня; на высотѣ горной расположено другое своеобразное жилище, напоминающее обширную пещеру; это послѣднее жилище очень хорошо видно изъ нашего вагона, около жилища подъ деревомъ на зеленой травкѣ сидитъ, полюбавъ по турецки ноги подъ себя, мужчина, повидимому мусульманинъ; недалеко отъ него три женщины занимаются женскимъ рукодѣльемъ, внизу играютъ дѣти. Въ—мужъ, жена и дѣти въ живописныхъ восточныхъ костюмахъ; своеобразная идиллія среди пустынныхъ скалъ, всюду окружающихъ насъ.

Уже не видно той равнины, которая тянулась до сихъ поръ на безконечное, казалось, пространство. Мы переѣхали знаменитую долину соронскую, которая влѣво, на сѣверъ, тянется до прославленной пророкомъ Илию горы Кармилъ. Эта долина въ библейскія времена изобиловала прекрасною растительностью, а теперь въ общемъ представляетъ почти бесплодную пустыню, и только кое-гдѣ бѣдные феллахи, а также, какъ намъ говорили, новые поселенцы—нѣмцы и евреи обрабатываютъ клочки земли.

Перерѣзавъ долину, мы вѣхали въ узкое ущелье, гдѣ дорога начинаетъ змѣйкой извиваться между высокими гранитными отвесами и ущельями іерусалимскихъ скалъ. Мѣстами эти пустынные горы необычайно красивы, онѣ полны какого-то безмольнаго величія и строгаго религіознаго аскетизма; но во многихъ мѣстахъ они лишены всякой растительности, совершенно обнажены и выжжены палящими лучами солнца.

Въ общемъ особая мысль и особое трогательное и грустное впечатлѣніе могутъ возбуждать виды пустынной Соронской долины и обнаженныхъ горъ. Здѣсь когда-то обитали благочестивые потомки праведнаго Ноя. Здѣсь раздавалась благозвучная свирѣль вдохновеннаго царственнаго пѣвца Давида. Въ эти ущелья скалъ уединялись святые пророки для испраши-

ванія откровенія воли Господа и укрывались отъ своихъ враговъ и преслѣдователей. И въ христіанскія времена здѣсь обитало много великихъ отцовъ пустынно-жителей и постниковъ. Но теперь, вмѣсто этихъ обитателей, здѣсь скитаются бѣдные сыны пустыни-бедуины. Предсказанія пророковъ, встрѣчающіяся почти на каждой страницѣ пророческихъ книгъ, о томъ, что за грѣхи народа, Іерусалимъ будетъ плѣненъ, святилище осквернено, Сіонъ унижится и слава Ливана уничтожится и что не будутъ болѣе пастие тучныя стада на горахъ Израилевыхъ и что они „будутъ обиталищами дикихъ звѣрей и шакаловъ“,—въ точности сбылись.

Среди горъ нашъ поѣздъ движется весьма медленно, едва-едва плетется. Вотъ предъ нами съ одной стороны взорванная, или искусственно отколотая, невысокая гора, съ другой—гора, уходящая въ небесную высь; на вершинѣ послѣдней горы очень красиво выглядитъ обширная пещера. Вотъ теперь съ обѣихъ сторонъ горы, усеянная громаднѣйшими бѣлыми камнями и выступами коричневаго цвѣта. Здѣсь изъ скалъ образуются съ одной стороны стѣны, съ другой въ безконечную высь и даль тянутся цѣлые слои извѣстняка.

Красота окружающихъ горъ, съ ихъ причудливыми очертаніями, ущельями, выступами и маленькими домиками, временами и до сихъ поръ поразительна. „Это напоминаетъ Тироль“, говоритъ въ одномъ мѣстѣ, восхищенный красотой скалъ и ихъ сочетаній, Владимиръ Богдановичъ. Другія мѣста очень напоминаютъ самыя живописныя кавказскія мѣстности, въ родѣ „лермонтовскаго ущелья“ и т. п. Въ общемъ мѣстность отъ станціи Даирь—Аванъ изобилуетъ замѣчательными красотами.

Не доходя до станціи Бѣттиръ, нашъ поѣздъ неожиданно остановился. Это, оказывается, нашъ паровозъ беретъ воду изъ источника, протекающаго среди скалъ.

Въ 5 ч. 10 м. мы подошли къ станціи Бѣттиръ. Эта станція представляетъ изъ себя нѣчто вродѣ нашего хуторка, расположеннаго въ чудной мѣстности въ глубинѣ горъ. Черезъ 2 минуты поѣздъ тронулся. Вотъ въ ущельи среди горъ видны ряды каменныхъ, довольно большихъ, домовъ,—одинъ рядъ идетъ выше другаго, при чѣмъ дома кажутся прилепленными, или прицѣпляющимися къ утесамъ. Вотъ въ Низинѣ, на огромное пространство, тянется предъ нашимъ взоромъ множество благоустроенныхъ, содержащихся весьма чисто огородовъ; въ нихъ копошатся арабы цѣлыми группами и по одному человѣку; они усердно поливаютъ и обрабатываютъ огороды.

2. Іерусалимъ.

Мы уже совѣмъ приближаемся къ святому Граду, скоро увидимъ этотъ Градъ.

„При видѣ Иерусалима, говоритъ Елисеѣвъ, невольно всякій путникъ, впервые пришедшій къ подножію святаго Града, останавливаетъ своего верблюда и коня. Кто бы ни былъ онъ, —христіанинъ, мусульманинъ, или еврей, вѣрующій или атеистъ, ученый путешественникъ, фланирующій туристъ или нехитрый умомъ, но крѣпкій вѣрою поселянинъ; но каждый одинаково чувствуетъ въ глубинѣ своего сердца что-то родное, близкое и знакомое, поднимающееся отъ сердца, но не отъ ума, быть можетъ навѣянное воспоминаніями дѣтства, но неизглаженное никакими другими впечатлѣніями, никакими бурями жизни и страсти“.

Слово „Иерусалимъ“ звучитъ неодинаково въ сердце каждаго путника и неодинаково волнуетъ глубину его души. Но этотъ звукъ одинаково для всѣхъ не можетъ быть безразличенъ, потому что будитъ такіа воспоминанія, которыя не забываются никогда. Я видѣлъ много великихъ развалинъ, славныхъ по своимъ историческимъ воспоминаніямъ, но ни Кароагенъ, ни Троя, ни даже Римъ и Аѳины, когда я ихъ увидѣлъ впервые, не произвели на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какое произвела скромная и не поражающая глазъ панорама Иерусалима“ („По бѣлу—свѣту“ стр. 305).

И дѣйствительно, какое-то особенное состояніе охватило насъ, когда мы изъ своего вагона, наконецъ, увидѣли Иерусалимъ; наше состояніе въ этотъ моментъ не поддается никакому описанію. Навплывъ религіозныхъ чувствъ самыхъ дорогихъ, самыхъ священнѣхъ, самыхъ пріятныхъ, восторгъ благоговѣнія и умиленія сердечнаго, все святое, все возвышенное, все это властно неудержимо овладѣло всѣми нами. Охваченные священнымъ восторгомъ и умиленіемъ, съ большимъ воодушевленіемъ, съ необыкновеннымъ подъемомъ духа, всѣ, какъ одинъ человекъ, мы нѣсколько разъ пропѣли: „Слава Тебѣ, Господи, слава тебѣ!“ —слава благодаренія Господу за то, что Онъ сподобилъ насъ увидѣть мѣсто спасенія, завѣтную святыню христіанъ,—священный Градъ Иерусалимъ. У многихъ, при этомъ, съ глазъ невольно скатилась не одна радостная святая слезинка, Такъ хорошо, хорошо было каждому! Незабвенная минута! Единственный въ жизни священный моментъ!

Изъ сладостнаго забвенія насъ вывела остановка нашего поѣзда около Иерусалимскаго вокзала. Было 5 ч. 45 м. вечера, когда мы подъѣхали къ этому вокзалу. Вокзалъ невзраченъ, грязенъ; такое-же впечатлѣніе производила вся окружающая обстановка. На всемъ видна была печать убожества и грязи. Это не вокзалъ нашихъ столичныхъ и большихъ провинціальныхъ городовъ, а скорѣе вокзалъ какой-нибудь захолустной захудалой станціи. Саратовскій вокзалъ казался царскимъ дворцомъ предъ этимъ бѣднымъ и грязнымъ вокзальчикомъ.

Съ русскихъ построекъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества за нашими вещами была прислана тройка крупныхъ, сильныхъ лошадей, запряженныхъ въ громадную арбу. Но вещи мы долго не могли получить; вагонъ съ нашими вещами прокатывали по разнымъ направленіямъ, пока, наконецъ, послѣ неоднократныхъ стоянокъ въ разныхъ мѣстахъ, вывели его въ удобное для выгрузки мѣсто. Только въ 6 ч. 30 м. наши вещи были сложены въ арбу, а потомъ возъ медленно двинулся по направленію къ русскимъ постройкамъ.

Всѣ мы шли пѣшкомъ за нашимъ багажемъ. Дорога пыльная и грязная. Скоро миновали мы еврейскія постройки, сдѣланныя для бѣднѣйшихъ евреевъ баронами Ротшильдъ и занимающія болѣе квартала. Потомъ открылся видъ на святой Сіонъ, пересохшій потокъ Кедронъ и почти на весь Иерусалимъ съ горою Елеонскою. Въ первый разъ въ жизни увидѣли мы священный Городъ на такомъ близкомъ разстояніи.

Городъ былъ своеобразно красивъ, занималъ сравнительно небольшое пространство и своимъ мѣстоположеніемъ въ котловинѣ отчасти напоминалъ Саратовъ; только Иерусалимъ былъ значительно меньше Саратова и имѣлъ видъ чисто-восточнаго города. И этотъ небольшой городъ—величайшая святыня всего христіанскаго міра! Это тотъ Иерусалимъ, о которомъ такъ любилъ говорить, такъ нѣжно былъ преданъ ему, такъ много совершилъ въ немъ Богочеловѣкъ Христосъ; въ этомъ городѣ Онъ пострадалъ и пролилъ Свою Пречистую Кровь за спасеніе всего рода человѣческаго!

Хотѣлось бы прахомъ пасть на святой землѣ Святаго Города и выплакать всѣ накопившіяся слезы свои. Но все окружающее не только не располагаетъ къ этому, но сразу заглушаетъ всѣ порывы сердечныя, заставляетъ ихъ глубоко затаить въ душѣ. Кругомъ страшная пыль, грязь, тѣснота, вездѣ снуютъ проходящія и проѣзжающія люди всѣхъ націй и религій; въ большинствѣ это евреи и мусульмане. Вездѣ господствуетъ уличное настроеніе большаго восточнаго города съ его толкотней, суетой и будничными интересами. Скоро мы за своимъ багажемъ дошли до построекъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Тамъ администрація и служащіе на русскихъ постройкахъ встрѣтили насъ съ распростертыми объятіями, какъ желанныхъ гостей, какъ давно знакомыхъ и родныхъ. Намъ дали прекрасныя помѣщенія со всѣми удобствами и великолѣпной обстановкой.

Сложивъ свой багажъ и размѣстившись по номерамъ, всѣ мы направились въ общую столовую. Здѣсь въ углубленіи, за рѣшеткой, находился очень хорошій новенькій, блестящій позолотою, иконостасъ; около иконостаса стоялъ аналой съ крестомъ и евангеліемъ и лежало

священническое облачение. О. Русановъ вошелъ за рѣшетку, помолился, облачился и занялъ мѣсто около аналоя. Всѣ руководители и ученики расположились около рѣшетки съ правой стороны отъ о. Русанова. Вдали стояло довольно большое количество русскихъ паломниковъ, бывшихъ въ это время въ Иерусалимѣ и желавшихъ помолиться съ нами.

Начался благодарственный молебенъ. Всѣ ученики пѣли. Всѣхъ охватилъ священный восторгъ и чувство глубокой благодарности Господу. Большинство едва сдерживались отъ приступавшихъ къ горлу слезъ. Былъ необычайный подъемъ духа и религіознаго настроенія. Пѣніе, чтеніе и богослуженіе совершалось отъ всей полноты сердечной.

Немудрено, что русскіе паломники, слышавшіе, какъ они потомъ говорили, въ первый разъ такое прочувствованное и воодушевленное пѣніе русской молодежи и молебенъ въ томъ мѣстѣ, не могли удержаться отъ слезъ; они плакали, вмѣстѣ съ нами повергаясь на землю въ чувствѣ сокрушенія, смиренія, умиленія и благодарности. О, если бы побольше было въ христіанскомъ мірѣ такихъ искреннихъ, прониковенныхъ и сердечныхъ молитвословій, совершенныхъ отъ глубины вѣрующаго въ простотѣ, смиреннаго и благороднаго сердца! Легче жилось-бы тогда на свѣтѣ человѣку христіанину.

Послѣ молебна было возглаголено многолѣтіе Благочестивѣйшему Самодержавнѣйшему Государю Императору Николаю Александровичу, Супругу Его Благочеставнѣйшей Государыннѣ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, Матери Его Благочестивѣйшей Государыннѣ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, Наслѣднику Его Благоуверному Государю Цесаревичу и Великому Князю Алексѣю Николаевичу и всему Ихъ Царствующему Дому, Всероссийскому Святѣйшему Правительствующему Синоду и Господицу Нашему Гермогену, Епископу Саратовскому и Царыцненскому съ богамиранию Его паствою.

Молитва всѣхъ насъ подкрѣпила, оживила и сообщила намъ свѣтлое радостное настроеніе, которое не покидало насъ во все время пребыванія въ Иерусалимѣ.

Послѣ молебна намъ былъ поданъ чай и въ изобилии закуска. Предъ сномъ мы вымылись въ русской банѣ, потомъ поужинали и уснули какъ убитые подъ гостеприимнымъ кровомъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.

На слѣдующій день мы встали около 8 час. утра. Послѣ завтрака мы, подъ предводительствомъ Директора, всѣ отправились осматривать городъ. Когда мы подходили къ громадному и роскошнѣйшему зданію французскаго консульства, неожиданно раздалось нѣсколько выстрѣловъ, словно изъ пушекъ. Оказывается

французская колонія справляла свою національную годовщину и, въ знакъ торжества, послѣдовало нѣсколько выстрѣловъ изъ пушекъ малаго калибра. Владиміръ Богдановичъ съ нѣсколькими учениками проникъ въ залъ, гдѣ собрались французы, говорилъ тамъ рѣчь на французскомъ языкѣ и провозгласилъ тостъ за процвѣтаніе Франціи.

Около 11 ч. у мы возвратились на русскія постройки. Отдохнувъ немного, мы направились въ русскую миссію.

Въ 11 ч. у. мы были у начальника русской миссіи въ Иерусалимѣ отца Архимандрита Леонида. Очень радушно принялъ насъ въ своемъ обширномъ залѣ весьма симпатичный и добрый отецъ Архимандритъ. Ученики подошли къ нему подъ благословеніе. Намъ поданъ былъ чай. Отецъ Архимандритъ Леонидъ много говорилъ намъ объ образованіи, которое получаютъ мѣстные арабы-христіане подъ руководствомъ русскихъ учителей и учительницъ. На прощаніе ученики снова подошли подъ благословеніе. Выйдя изъ помѣщенія о. Архимандрита, мы направились въ свои номера. О. Архимандритъ всѣмъ понравился и на всѣхъ произвелъ самое лучшее впечатлѣніе своею доступностію, простотою и задушевностію обращенія.

3., Храмъ Гроба и Воскресенія Господа.

Около двухъ часовъ дня мы, наконецъ, отправились въ Храмъ Гроба и Воскресенія Христа. Этотъ Храмъ находится въ самомъ центрѣ св. Города, на юго-востокъ отъ русскихъ построекъ.

Исторія этого храма въ краткихъ чертахъ такова. Мать св. равноапостольнаго Константина Великаго, — престарѣлая императрица —, святая Елена, пріѣхавъ, по порученію своего царственнаго сына, въ Иерусалимъ, уничтожила языческія капища и въ 326 году начала возводить великолѣпные храмы и базилики, на мѣстахъ смерти и воскресенія Иисуса Христа. Въ 335 году она закончила храмы. Въ послѣдующія времена они были разрушаемы и вновь воздвигаемы; такъ было до первой половины 12 вѣка, когда соединили всѣ древнія отдѣльныя постройки въ одно цѣльное обширнѣйшее зданіе, сохранившееся почти безъ измѣненія до нашихъ дней; только внутри попорчено большимъ пожаромъ въ 1808 г. Главная фасадная сторона Храма Гроба Господня обращена на югъ; предъ ней находится небольшая квадратная площадка; на эту площадку съ запада ведетъ узкій покатыи ступенчатый переулочекъ; въ юго-восточномъ углу устроена узенькая калитка. Площадь эта раньше была застроена церковными сооружеиіями святого Константина. Теперь мѣстами видны отъ нихъ только небольшія части поломанныхъ мраморныхъ колоннъ. Съ этой площадки два входа, украшенные тройными

мраморными колоннами и овальными карнизами, ведутъ во внутрь святаго Храма. Нынѣ правый входъ задѣланъ камнями. Въ Храма, близъ самыхъ св. вратъ, на лѣвой сторонѣ стоитъ средняя колонна, мраморная съ трещиной, изъ которой изошла благодать, т. е. святой свѣтъ, и которую почитаютъ какъ православные, такъ неправославные и армяне.

(До слѣдующ. №-ра).

II.

Реформы Императора Александра II

(Юные годы Александра II и подготовка къ престолу.—Исторія возникновенія крѣпостнаго права.—Подготовка акта 19-го февраля предшественникамъ Александра II.—Исторія освобожденія крестьянъ Александромъ II.—Объявленіе манифеста 19-го февраля.—Отмена тѣлесныхъ наказаній.—Земская и городская реформа.—Судебная реформа.—Всесословная воинская повинность.—Заботы о народномъ образованіи и реформа образованія женскаго,—Общая характеристика личности Императора Александра II).

Не далѣе какъ черезъ день наступаетъ пятидесятилѣтне величайшаго акта царствованія Императора Александра II—освобожденія имъ 23-хъ милліоннаго крѣпостнаго населенія Россіи, того акта, который послужилъ отправною точкою и основою для цѣлой системы послѣдующихъ реформъ этого Государя.

Естественно поэтому и намъ, освѣживъ въ своей памяти свѣтлый образъ Царя Освободителя, изложить исторію ¹⁾ предпринятыхъ Имъ великихъ реформъ.

Императоръ Александръ II род. 17 Апр. 1818 г. Больше чѣмъ кто либо изъ русскихъ вѣнценосцевъ онъ подготовленъ былъ къ отвѣтственному дѣлу управленія великой страной полученнымъ имъ въ дѣтствѣ и юности воспитаніемъ и образованіемъ и разносторонней дѣятельностью за время своего пребыванія наслѣдникомъ престола. Императоръ Николай I, вынужденный уже въ зрѣломъ возрастѣ пополнять недочеты первоначальнаго своего образованія, тѣмъ сильнѣе желалъ своевременно и всесторонне подготовить своего первенца къ его будущей дѣятельности. Онъ говорилъ, что хочетъ воспитать въ своемъ сынѣ челоука прежде, чѣмъ сдѣлать изъ него государя. Въ этомъ духѣ и направленіи и велелъ все воспитаніе и обученіе Александра II. Воспитателемъ къ нему былъ назначенъ капитанъ К. К. Мердеръ, обратившій на себя вниманіе Николая Павловича своими высокими нравственными достоинствами, какъ челоука въ высшей степени честный и добрый, но вмѣстѣ съ тѣмъ умный и твердый характеромъ. Наставникомъ великаго князя вскорѣ послѣ коронованія Николая I назначенъ былъ извѣстный поэтъ В. А. Жуковскій, челоука прекраснѣйшей души, глубоко религіозный, широко и всесторонне образованный. Трудно было бы сдѣлать болѣе удачный выборъ руководителей для мальчика, заявившаго себя еще въ дѣтствѣ блестящими способностями, яснымъ и здравымъ умомъ, живымъ веселымъ нравомъ и отзывчивымъ на все доброе сердцемъ. Съ этими качествами, гармонизировавшими съ

душевымъ настроеніемъ воспитателей, остался Александръ и на всю жизнь. Законоучителемъ къ юному наслѣднику Престола назначенъ былъ протоіерей Павскій,—крупная умственная и нравственная сила въ тогдшнемъ бѣломъ духовенствѣ. Вліяніе этого воспитательнаго „тріумвирата“, дѣйствовавшего въ взаимномъ согласіи, на царственнаго юношу было громадное и онъ навсегда сохранилъ о нихъ самую теплую благодарную память.

Заключивши изученіе общеобразовательныхъ предметовъ, наслѣдникъ ознакомился съ отраслями нѣкоторыхъ спеціальныхъ предметовъ и затѣмъ прослушалъ систематическій курсъ наукъ государственныхъ и законодѣлннхъ подъ руководствомъ знаменитаго Сперанскаго.

Въ 1837 г. для пополненія книжнаго образованія наслѣдникъ, въ сопровожденіи Жуковскаго, предпринялъ большое путешествіе по Россіи для непосредственнаго ознакомленія съ страной и потребностями многомилліоннаго народа, ее населяющаго. Не разъ цесаревичъ останавливался въ деревняхъ, входилъ въ бѣдныя избы крестьянъ, знакомился съ ихъ бытомъ, обстановкой и проч. Въ эту пору запала въ его душу та любовь къ простому народу, которая потомъ красной нитью проходитъ черезъ все его реформы. Страна въ свою очередь узнала и полюбила своего будущаго Государя, производившаго обаятельное впечатлѣніе на всехъ, съ нимъ встрѣчавшихся. Путешествіе продолжалось цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ. Цесаревичъ объѣхалъ 30 губерній и первый изъ царственныхъ особъ побывалъ и въ далекой Сибири, вызвавъ тѣмъ общій восторгъ населенія («доселѣ нашъ край былъ Сибирью, теперь сталъ Россіей», говорили ему въ одной изъ привѣтственныхъ рѣчей), побывалъ и въ мѣстахъ казни и выпросилъ у Николая I смятеніе наказанія многимъ изъ осужденныхъ... Глубокія впечатлѣнія отъ этого путешествія сказывались потомъ во все его царствованіе.

Въ слѣдующемъ году онъ предпринялъ продолжительное путешествіе за границу, побывалъ во всехъ крупныхъ центрахъ Европы, подолгу тамъ останавливаясь и знакомясь съ лицами и учрежденіями Запада. Въ 1841 г. онъ вступилъ въ супружество съ дочерью вел. Герцога Гессенъ Дармштадскаго, названной (по принятію православія) Маріей Александровной. Съ той поры онъ сталъ принимать близкое участіе въ Государственныхъ дѣлахъ, практически знакомясь съ разными отраслями управленія; участвовалъ въ засѣданіяхъ Государств. Совѣта, Сената, Св. Синода, въ секретныхъ комитетахъ по крестьянскому вопросу и пр. Нѣсколько разъ, отъѣзжая за границу или во внутреннія губерніи Россіи, императоръ Николай I возлагалъ на своего наслѣдника рѣшеніе дѣлъ по всемъ министерствамъ и другимъ высшимъ государственнымъ учрежденіямъ и, несмотря на строгость и взыскательность, съ какою онъ относился къ дѣйствіямъ особенно близкихъ къ нему лицъ, постоянно оставался доволенъ его дѣйствіями и распорядительностью. Въ 1848 г., во время своего пребыванія при Вѣнскомъ,

¹⁾ Рѣчь, сказанная авторомъ 17 февраля 1911 года на актѣ въ Саратовской Маріинской женской гимназій